

Любава Горницкая

Китайский для попугая

Ко второму классу Терещенко стал взрослым самостоятельным человеком. В школе им теперь ставили настоящие отметки вместо дурацких звёздочек и квадратиков. А ещё называли только по фамилиям. Это казалось ужас каким солидным. Но дома Терещенко почему-то всё ещё звали даже не Костей — Косточкой. И запрещали ходить по полу босиком: «А то простынешь». Взрослая жизнь заканчивалась вместе со звонком с четвёртого урока. Терещенко страдал.

Вообще поводов для страданий ему хватало. Каждый вечер он смотрел с балкона во двор. Там выгуливали собак. У Крыловой, которую раньше, в незапамятные времена общей возни на горках, звали Катя, была овчарка. Петров из параллельного класса важно придерживал поводок кудрявого спаниеля. Рядом со знакомыми и незнакомыми людьми лаяли и рыли лапами клумбы самые лучшие псы в мире. В мире же Терещенко не ожидалось даже захудалой кошки.

— Кормить и ухаживать кто будет? — спрашивала мама.

Вопрос, на который бесполезно отвечать «да» или «нет» назывался риторическим. Так было написано в энциклопедии. Энциклопедия стояла в шкафу, под стеклом. На её обложке ехидно улыбался слюнявый бульдог. Он плевался с картона несбывшейся мечтой.

Мама работала в загадочном научном институте по сменам и иногда приносила домой интересное. Например, странные разноцветные камешки, чтобы смотреть на них под микроскопом. Однажды она явилась с клеткой. В клетке сидел ярко-красный клювастый попугай. Судя по ошипанному хвосту и боевому угрюмому взгляду, попугай тоже знал взрослую жизнь.

— У проходной бросили. Забыли, может. Жалко, помрёт, — будто извиняясь вздохнула мама, — Вот... ты хотел... смотри, какая хорошая птичка!

— Он говорящий?! — Терещенко залипал на новую живность с растущим восторгом.

— У-ы-а-а!!! — завопил внезапно попугай и попытался просунуть крыло сквозь прутья клетки.

— Он сирота. Наверное... — мама на всякий случай отодвинулась подальше, — Можно попробовать пристроить через волонтёров в добрые руки...

Терещенко замотал головой и вцепился «добрыми» руками в поддон. Так началась его и мамы совместная жизнь с усыновленным попугаем.

Разговаривать попугай не хотел. Он угукал, чирикал, шипел, истошно орал, но большего от него добиться не удавалось. Наверное, попугай просто был иностранцем. В конце концов, у Терещенко тоже как-то не очень получалось с английским.

Когда мама задерживалась на работе, становилось тревожно. Мало ли что. Вдруг её украли и потребуют выкуп? Вот-вот позвонят и... И, чтобы не гипнотизировать мобильный, Терещенко брал клетку и шёл во двор. Выгуливать попугая. Фонарь светил на бортик песочницы, чужие собаки нюхали воздух возле клетки. Крылова каждый раз неизменно спрашивала:

— Попка — дурак?

— Сама ты дура! — огрызнулся Терещенко.

Петров со спаниелем презрительно не подходили. Попугай, нахохлившись, рассматривал рыжие блики под стеклом фонаря. Он не очень-то любил прогулки.

Начинало рано темнеть. В этот раз мамы не было долго. Двор опустел. Бортик песочницы ощущался даже сквозь длинную толстую дутую куртку. Терещенко думал, что хуже: выкуп или скользкие ступеньки подземного перехода? Ресницы предательски намокли. Он пытался набирать нужный номер, но вместо гудков играла приятная музыка, а трубку никто не брал.

— У-ы-а-а! — возмущался попугай, энергично встряхивая крыльями.

Ким Ли Ён печально наблюдал за парой на бортике песочницы с другого конца площадки. Он уже целый год учился в России и пару месяцев снимал комнату в этом доме. Ждал, пока закончится ремонт в общежитии. За это время он выучил, что не надо подходить к незнакомым детям. Родители посмотрят так, что не обрадуешься. И пробурчат про узкоглазого в спину. К незнакомым взрослым, впрочем, подходить тоже не стоило. Ким Ли Ён плохо разговаривал по-русски, но на любом языке умел понимать, когда ему не рады. Хватало интонации. Мальчика он помнил. Тот часто сидел и ждал, вот так, без взрослых, с птичьей клеткой. И Ким Ли Ён следил: точно ли его заберут? Всё ли нормально? Неизвестно, думал ли он о выкупе и похитителях. Но точно переживал.

Попугай завопил снова. Терещенко погладил металлические прутья над жёрдочкой. Поднял глаза, заметил незнакомца и помахал ему рукой.

— Привет! А я тебя помню! Ты на третьем живёшь! С толпой братьев!

Ким Ли Ён жил с тремя однокурсниками, но он привык, что их не очень-то различают, и кивнул в ответ.

— Ты китаец, да? А нам говорили, что у вас в Китае есть великая стена, а ещё цветёт вишня, которая сакура, а ещё телевизоры делают, посылки отправляют, и...

— Угы-х! — подтвердил попугай.

Терещенко частил так, что местами сглатывал слоги. Ким Ли Ён внимательно слушал, не перебивая, чуть склонив голову набок. Он не хотел разочаровывать внезапного собеседника. Ким Ли Ён был корейцем.

Терещенко не мог остановиться. Он рассказывал про задаваку Крылову, которая никогда не давала списать, но всё равно красивая. Про Петрова, который его задевает нарочно плечом в столовой, а что тут сделаешь, Петров сильнее. Про сложную английскую транскрипцию, как её вообще читать. Про то, что он летом уедет путешествовать аж к самым пальмам и ки-па-ри-сам! Фонарь расчерчивал песочницу пополам острой тенью. Попугай сердито клекотал. Ким Ли Ён думал, что в квартире опять на всю громкость слушают музыку, к паре подготовиться будет невозможно, надо что-то разогреть на ужин, и... И что же всё-таки случилось с родителями этого одинокого мальчика?

Мама подлетела ярко-розовая и запыхавшаяся. Кажется, она долго бежала.

— Косточка, ты почему не дома?! Забирай птицу и марш!

На незнакомого юношу она посмотрела настороженно, но без злости.

— Я Костя! — сообразил представиться Терещенко.

— Ким Ли Ён.

Под звуки чужого имени попугай засипел, пытаясь повторить тембр голоса. Ким Ли Ён отошёл к фонарю, куда-то в акварельную густо-синюю тень, и с завистью смотрел, как чужая мама тащит сына за руку в подъезд. Очень хотелось домой, только почему-то не на третий этаж.

В квартире, грея руки над радиатором, Терещенко с энтузиазмом вешал, прислушиваясь: не свистит ли чайник?

— Вот! Попка не дурак! Он... наоборот лучше всех! Мой попугай разговаривает по-китайски!

